

Монография канадского африканиста Дерек Нёрса (в настоящее время – почетный профессор Мемориального университета Ньюфаундленда) посвящена описанию категорий времени и вида (а также других тесно связанных с ними категорий – в частности, наклонения, глагольного отрицания и т. п.) в языках банту. Необходимо сразу же отметить, что языки банту представляют собою крайне сложный объект исследования: общее число языков банту, занимающих практически всю территорию африканского континента южнее экватора (за исключением небольшого койсанского анклава на юго-западе), колеблется, по разным подсчетам, от 250 до 600, причем бóльшая цифра, по мнению Д. Нёрса, является более реалистичной. Помимо количественной стороны дела, систематический анализ проблем грамматики (и в частности, граммем времени и вида) применительно к этим языкам крайне затруднено их неравномерной изученностью: для многих языков банту отсутствуют хорошие лингвистические описания, и доступный лингвистический материал фактически ограничен небольшими списками слов.

Проблемы многократно умножаются за счет того, что глагольные системы в языках банту, сохраняя ряд общих черт, в то же время – в отличие, например, от системы именных классов, представляющей собой достаточно стабильный фрагмент грамматики – значительно варьируют от языка к языку. Причем варьирование это наблюдается и в отношении самого набора грамматических значений глагола, и в отношении материальной манифестации этих значений. Тем не менее, несомненное досто-

инство работы Д. Нёрса состоит в том, что он смог добиться сбалансированного описания, и сделанные в данной работе наблюдения и выводы обобщают материал всего «лингвистического пространства» банту.

Охарактеризуем общую структуру книги.

Книга Д. Нёрса состоит из семи разделов. В первом разделе («Введение») автор дает общую характеристику принимаемому в книге подходу к описанию категорий времени и вида, а также знакомит читателя с основными характеристиками глагольных систем банту, релевантными как с синхронной, типологической, так и с диахронической точки зрения. Значительное внимание Д. Нёрс уделяет выборке языков, на которую опирается его исследование. Действительно, вопрос о выборке крайне важен для данной работы. Несмотря на то, что языки банту представляют собою таксон очень низкого уровня в общей генетической классификации нигеро-конголезской макросемьи, их внутренняя классификация крайне непростая в силу того, что они являют собою пример генетической группировки языков, носители которых расселились на очень обширной территории и образовали ряд локальных объединений. При классификации этих языков (в основных чертах опирающейся на предложения М. Гасри) все обширное бантуское пространство было поделено на 16 крупных зон, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на несколько групп, что дает в сумме 84 подгруппы. Д. Нёрс выбрал по одному языку из каждой такой подгруппы, что позволило ему равномерно представить все вариации, характерные для языков банту, и дополнил свою выборку до ста языков, выбрав

прежде всего те языки банту, для которых существуют хорошие грамматические описания. Именно такой подход позволяет утверждать, что выводы, сделанные в данной работе, релевантны для языков банту в целом.

Далее во введении Д. Нёрс характеризует теоретические основания своего исследования. В книге принят подход, который условно можно определить как «общетипологический». Автор декларирует, что большее внимание уделяется не теоретическим построениям, а языковым фактам. Тем не менее, он называет ряд имен, которые повлияли на его интерпретацию бантуского материала. Это, прежде всего, типологи Дж. Байби и Б. Комри, а также лингвисты, сочетающие типологические и африканистические интересы: Т. Гюльдеман, Б. Хайне, Дж. Хьюсон; этот перечень имен дает достаточное представление о теоретическом фоне данной работы. Автор ориентируется на определения категорий времени и вида, составляющие в определенной степени «аксиомы» типологического мейнстрима в отношении этих двух основных глагольных категорий. Надо отметить, что Д. Нёрс не углубляется в решение теоретических вопросов; тем самым, в его книге читатель не найдет нетривиальных выводов о природе этих двух глагольных категорий. Впрочем, это можно считать скорее плюсом, чем минусом книги. Дело в том, что принятая автором задача – представить общую картину развития глагольных систем банту – крайне сложна сама по себе, хотя бы в силу чрезвычайно обширного языкового материала. Эта задача многократно усложняется тем, что в существующих описаниях языков банту категории времени и вида зачастую трактуются весьма противоречиво. Работа Д. Нёрса – одна из первых попыток (а в западной лингвистике – по-видимому, самая первая) последовательного и единообразного описания значительного массива бантуских языковых данных. И с этой точки зрения «умеренно теоретический» подход Д. Нёрса, безусловно, обеспечивает оптимальное решение поставленной задачи.

Далее во введении Д. Нёрс знакомит читателя с основными чертами, определяющими своеобразие бантуских глагольных систем. Это, в частности, следующие черты:

1) языки банту являются «глагольными» языками («Bantu languages are “verby”») – языки банту являются агглютинативными, выражая в составе глагольной словоформы те значения, которые в других языках передаются лексически или синтаксически;

2) для языков банту характерно обилие грамматически выраженных временных противопоставлений, особенно в сфере прошедшего времени;

3) в языках банту грамматикализованы значения итива и венитива, т. е. граммом, указывающих на движение субъекта действия к говорящему или от говорящего (в типологическом плане эти значения относятся к дейктическим показателям глагольной ориентации, см. подробнее [Плунгян 2002; 2003]);

4) языки банту характеризует наличие двух (в ряде случаев – и большего количества) моделей глагольного отрицания;

5) для языков банту характерна грамматикализация фокуса и различение фокусного выделения предиката и фокусного выделения других членов предложения;

6) специфической инновацией банту является суффиксальное маркирование «антериорного аспекта» (или перфекта, в более традиционных терминах);

7) в глагольных системах банту часто получает выражение значение так называемого персистива («все еще Р») и т. п.

Необходимо отметить, что при работе с группой родственных языков практически никогда не удается ограничить себя созданием исключительно синхронного описания; сам материал подводит к целому ряду выводов о путях диахронического развития синхронно наблюдаемых систем. В данной книге есть специальный раздел, посвященный возможной реконструкции глагольной системы языков банту. Кроме того, исторические комментарии то и дело возникают по ходу рассмотрения тех или иных вопросов. Такой подход, совмещающий типологическое описание с диахроническим измерением, нельзя не признать органичным и плодотворным в отношении языков банту.

В работе Д. Нёрса последовательно анализируется как материальное выражение видовых и временных значений в языках банту, так и набор грамматических значений, образующих эти категории. Прежде чем перейти к краткому изложению основных разделов работы, хотелось бы сказать о том, насколько эта работа является первым опытом такого рода типологических обобщений на материале бантуского глагола. В зарубежной африканистике (включая исследования как на английском, так и на нидерландском, немецком и французском языках) подобное исследование, как кажется, действительно предпринято впервые. Однако необходимо отметить, что пионерское исследование бантуского глагола, во всех отношениях не менее глубокое и интересное, появилось в отечественной бантуистике за одиннадцать лет до выхода в свет книги Д. Нёрса, еще в 1997 г. Мы имеем в виду книгу Ирины Степановны Аксёновой (1931–2009) «Категории вида, времени и наклонения в языках банту» [Аксёнова 1997], к сожалению, оставшуюся совершенно

неизвестной автору рецензируемого труда, как неизвестны ему и другие работы И.С. Аксёновой, в частности, важные ее очерки [Аксёнова 1990; 2003] и др. Нам кажется оправданным построить эту рецензию, проводя сопоставление работы Д. Нёрса с предшествовавшими ей исследованиями И.С. Аксёновой.

Сопоставляемые работы несколько различаются по объему, но прежде всего – за счет различия стилей двух авторов, а не за счет объема представленной в книге информации: И.С. Аксёнова предпочитает более лаконичный стиль изложения, Д. Нёрс – более пространный, со множеством пояснений, что несомненно облегчает чтение книги неспециалистам, но временами делает ее похожей не столько на исследовательскую монографию, сколько на учебник для студентов.

Более существенное отличие двух работ заключается в объеме исторической информации, включенной в книгу: Д. Нёрс, наряду с синхронным описанием, систематически включает в книгу достаточно большой объем исторической информации, тогда как И.С. Аксёнова почти исключительно ориентируется на синхронное сопоставление глагольных систем банту (впрочем, в работе [Аксёнова 2008] немалое внимание уделяется и процессам грамматикализации). В части же синхронного описания две работы в существенной степени пересекаются, что неудивительно, так как оба автора (а) работают с данными одних и тех же либо близкородственных языков; (б) в целом придерживаются принятой в бантуистике традиции описания глагольной морфологии; (в) реализуют в достаточной степени близкий типологически ориентированный подход к описанию глагольной семантики.

Д. Нёрс в большей степени ориентируется на то, чтобы бантуский материал был представлен в работе равномерно, составив специальную выборку, в которой каждая подгруппа представлена как минимум одним языком. Напротив, И.С. Аксёнова обрабатывала материал всех доступных источников (в ее работе учтен материал около 180 языков банту, хотя не всех равномерно). Впрочем, это различие оказывается не столь существенным с точки зрения результатов синхронного описания: в обоих случаях большая часть существенных для бантуского глагола грамматических оппозиций оказалась учтена. Дальнейшее изложение содержания работы Д. Нёрса мы дополним сопоставлением с соответствующими разделами работы И.С. Аксёновой.

Во **втором** разделе книги Д. Нёрса рассматриваются структурные особенности глагольных форм (как аналитических, так и синтетических) языков банту. Дело в том, что

морфологическая структура глагольных словоформ банту является достаточно сложной и разветвленной. В этом же разделе делается попытка ответить на вопрос о том, какие грамматические значения чаще всего кодируются в тех или иных морфологических позициях. Здесь же рассматриваются случаи отклонения от общебантуской морфологической модели глагольной словоформы – а именно, структура глагольной словоформы в северо-западных языках банту, а также в пиджинах и креольских языках, возникших на базе языков банту.

Аналогичный раздел присутствует и в работах И.С. Аксёновой (как 1997 г., так и других). Надо отметить, что Д. Нёрс предлагает более детализованную структурную классификацию аналитических конструкций, но в дальнейшем изложении уделяет основное внимание морфологическому выражению граммем времени и вида. В свою очередь, И.С. Аксёнова ориентируется в большей степени на сами грамматические значения, нежели на структурные характеристики означающих, и в соответствующих разделах ее книги представлены и аналитические, и синтетические конструкции, использующиеся для выражения ТАМ-значений. Кроме того, как мы уже отмечали, существует и специальная работа [Аксёнова 2008], в которой основным объектом описания служат аналитические глагольные формы языков банту.

Оба автора рассматривают модель финитной глагольной словоформы в языках банту и возможности выражения тех или иных грамматических значений при помощи заполнения определенных морфологических позиций. Для того, чтобы дать читателю некоторое представление о сложности морфологического выражения глагольных значений в языках банту, приведем модель глагольной словоформы по Д. Нёрсу и кратко обсудим возможности морфологического заполнения этих позиций (аналогичные данные приведены и в работе И.С. Аксёновой):

Pre-SM–SM–NEG₂–TA–OM–
root + extension–FV–Post-FV

Д. Нёрс перечисляет следующие показатели для разных позиций:

Pre-SM – отрицание, объектный релятив и показатели, появившиеся в результате поздней грамматикализации: время, вид, условие, фокус;

SM – позиция субъектного показателя;

NEG₂ – позиция, занимаемая (вторичным) показателем отрицания, который, вероятно, изначально был связан с подчиненными предикациями, но затем расширил сферу своего употребления;

TA – позиция, занятая в основном показателями времени и вида (по мнению Д. Нёрса,

в протобанту существовало более четкое функциональное разграничение морфологических позиций: позицию ТА занимали показатели абсолютного и относительного времени, в то время как показатели вида занимали позицию FV, о которой см. ниже). В позиции ТА могут встречаться также показатели других категорий (условие, модальность и фокус);

ОМ – позиция объектного показателя;

root+extension – основа, которая может включать в себя, помимо глагольного корня, словообразовательные показатели, передающие, главным образом, значения актантной деривации;

FV – в этой позиции Д. Нёрс странным образом предлагает объединить сразу две морфологические позиции: это финальная позиция, которая содержит показатели аспекта либо наклонения: *-a* (индикатив – суффикс, имеющий по сути дела нулевое значение), *-e* – конъюнктив, *-ile/-i* – перфект / прошедшее время и показатель *-ang*, который может предшествовать этим показателям. Д. Нёрс при этом указывает только на возможность комбинации *-ang-a* с имперфективным значением, хотя возможно употребление этого показателя и в комбинации с другими финальными морфемами, в частности, с морфемами *-i* и *-e* – о чем пишет и И.С. Аксёнова, справедливо разводя эти две позиции.

Post-FV – эту позицию занимает показатель, употребляющийся прежде всего в формах императива множественного числа.

Кроме того, представляя бантускую глагольную словоформу, Д. Нёрс в явном виде пытается приписать категориальные значения аффиксам в каждой морфологической позиции – что на самом деле далеко не всегда удается проделать с конкретными бантускими глагольными словоформами. Гораздо ближе к действительности оказывается подход И.С. Аксёновой, которая приписывает выражение аспектуально-темпоральных значений полиаффиксу – идиоматическому сочетанию морфем в нескольких позициях (прежде всего – в позициях ТА и FV). Отметим, что имплицитно этому же подходу на самом деле часто следует и Д. Нёрс, приводящий показатели прошедшего времени, например, в виде *-a-...-ile*, где первая морфема занимает позицию ТА, а вторая – позицию FV.

Несомненно, следует обратить внимание читателя на то, что в работе Д. Нёрса специальное внимание уделяется истории данной структурной модели – он подробно описывает те специфически бантуские структурные инновации, которые привели к появлению модели словоформы в ее современном виде.

Переходя к описанию конкретных категорий, оба исследователя начинают с рассмотрения показателей, которые могут участвовать в маркировании тех или иных глагольных значений. Здесь существенным оказывается

то, что исследование Д. Нёрса построено на определенной выборке языков, что позволяет ему делать некоторые любопытные статистические обобщения. Так, Д. Нёрсу удается, к примеру, показать, что к протобанту (или, возможно, к нескольким крупным генетическим группировкам, образовавшимся после распада протобанту) оказываются возводимы показатели прошедшего времени, тогда как показатели будущего времени являются материально столь разнородными и образуют столь пеструю картину, что формирование грамем будущего времени, несомненно, следует в подавляющем большинстве случаев считать независимой позднейшей инновацией.

Третий раздел книги Д. Нёрса посвящен категории времени в языках банту. В этом разделе, в частности, подробно анализируются системы с категорией временной дистанции в прошедшем и в будущем, являющиеся одной из ярких особенностей языков банту. Такие системы анализируются с нескольких точек зрения:

а) рассматриваются временные границы каждого из прошедших и будущих времен;

б) анализируются системы с расширенным количеством степеней временной дистанции (показано, что в таких системах инновацией являются значения непосредственного прошедшего либо непосредственного будущего);

в) рассматриваются редуцированные с точки зрения временной дистанции глагольные системы; показано, что одним из источников возникновения таких систем является ситуация межъязыковых контактов.

Вопрос о категории временной дистанции достаточно подробно рассматривается и И.С. Аксёновой, причем она освещает и процессы разрушения подобных систем, показывая утрату четких темпоральных противопоставлений и замену их выражением субъективного восприятия того, насколько описываемое событие «прагматически» отдалено от настоящего времени. Кроме того, необходимо отметить, что И.С. Аксёнова описывает совершенно не отмеченное Д. Нёрсом явление – формирование различных подсистем выражения временной дистанции, скоррелированных с выражением других грамматических значений. Так, в ряде языков количество степеней временной дистанции различается для перфективных и имперфективных форм либо для форм с различным значением контрастивного фокуса. Вообще, следует отметить, что в описании Д. Нёрса бантуская глагольная форма предстает существенно более семантически аддитивной, чем в описании И.С. Аксёновой. Тем не менее, ближе к действительности нам кажется именно подход И.С. Аксёновой, учитывающей как тесную взаимосвязь различных грамматических значений, так и высокую степень морфологи-

ческой идиоматизации бантуских глагольных словоформ. Имплицитно адекватность такого подхода подтверждается, по сути, практически любым традиционным описанием бантуского глагола (за исключением, возможно, суахилийского, где произошло предельное упрощение глагольной парадигмы), в котором основными объектами грамматического анализа оказываются не отдельные аффиксы, а их комбинации, образующие ряды глагольных форм.

Что же касается описания временных систем в книге Д. Нёрса, то сильной стороной его подхода является уже не раз отмечавшаяся историческая перспектива. В данном случае Д. Нёрс не только регистрирует наличие систем с несколькими признакам временной дистанции, но и показывает эволюцию выражения временных значений в различных языках банту, описывая возникновение как расширенных, так и редуцированных временных систем.

В четвертом разделе книги Д. Нёрса описывается категория аспекта в языках банту. Аналогичный раздел присутствует и в книге И.С. Аксёновой. Категория аспекта и в теоретическом, и в описательном плане является существенно более сложной, чем категория времени; соответственно, более значительными оказываются расхождения между двумя авторами в подходе к аспектуальным значениям. Объем рецензии не позволяет нам провести это интересное сопоставление детально, поэтому ограничимся лишь простым перечислением тех аспектуальных граммем, которые рассматривают Д. Нёрс и И.С. Аксёнова (в таблицы ниже сопоставлены планы соответствующих разделов в книге Д. Нёрса и в книге [Аксёнова 1997]):

Как кажется, уже сам этот перечень достаточно наглядно отражает разницу трактовок. В пятом разделе книги Д. Нёрс рассматривает другие грамматические значения, релевантные, как он пишет, для бантуской глагольной морфологии. Речь идет о категориях отрицания, фокуса и местоименного объекта. Морфология и семантика глагольного отрицания в языках банту, действительно, представляет значительный интерес. Прежде всего, следует отметить, что в языках банту наблюдается значительная асимметрия между аффирмативными и негативными парадигмами именно с точки зрения видо-временных значений. Так, в большинстве языков банту в аффирмативе и негативе различается и набор видо-временных значений, и способы их морфологического маркирования (см. подробнее [Урманчиева 2003]). Однако подобная асимметрия, к сожалению, не рассматривается в книге Д. Нёрса. Он уделяет внимание другой крайне интересной проблеме (рассматривавшейся ранее такими авторами, как А. Меюссен, Т. Гюльдсман и Ж.-Г. Камба-Музенга): в большинстве языков банту представлено несколько морфологических моделей глагольного отрицания (как правило, две). Д. Нёрс пытается определить, насколько синхронно мотивированным оказывается функциональное и семантическое распределение между этими двумя моделями, а также высказывает ряд предположений о морфологии глагольного отрицания в протобанту.

Категория фокуса имеет морфологическое выражение в глагольной словоформе во многих языках банту. Д. Нёрс рассматривает различные способы маркирования категории фокуса – в том числе и такой, как тональные

Д. Нёрс	И.С. Аксёнова
1. Perfective	Аспектуальные значения, восходящие к прототипическому признаку «инкомплетив» 1. Прогрессив 2. Континуатив 3. Итератив 4. Кратность 5. Хабитуальность
2. Imperfective	
3. Progressive	
4. Habitual	
5. Persistive ('всё ещё P')	
6. Situative (данный ярлык объединяет конструкции реального условия, предикации со значением фоновых ситуаций в зависимых предложениях и т. п. – все эти значения могут передаваться одним аффиксом)	
	6. Афористическое настоящее 7. Общефактическое значение 8. Пердуративно-континуативное значение ('всё ещё P') 9. Ретардативное значение ('еще не P' – Д. Нёрс рассматривает это значение в главе, посвященной отрицательным формам) 10. Проспективное (интенциональное значение)

Д. Нёрс	И.С. Аксёнова
7. Pluractional (данный ярлык объединяет значения итератива, субъектного и объектного дистрибутива) 8. Anterior (= перфект)	11. Инцептивное значение (И.С. Аксёнова отмечает, что это значение занимает промежуточное положение между комплетивными и инкомплетивными значениями, в зависимости от класса глагола реализуясь либо как проспективное, либо как начинательное значение) Аспектуальные значения, восходящие к прототипическому признаку «инкомплетив» 12. Перфективность 13. Перфект (акциональный перфект) 14. Субъектный результатив 15. Объектный результатив 16. Значение ограниченной длительности 17. Значение, показывающее прекращение, но не завершение действия 18. Терминативное значение 19. Кумулятивно-перфективное значение ('многократное действие, длившееся определенное время') 20. Эксклюзивное значение ('действие занимает определенный отрезок времени и не простирается за его пределы')

оппозиции. Хотелось бы упомянуть в связи с рассмотрением категории фокуса еще одну работу И.С. Аксёновой [Аксёнова 2006], где также подробно анализируются способы контрастивного выделения предиката в языках банту. Из интересных обобщений Д. Нёрса, связанных с фокусными конструкциями, нам хотелось бы отметить его выводы (опирающиеся частично на работы Т. Гюльдемана) о возможности перехода фокусного маркера в показатель прогрессива с дальнейшим расширением значения типа фокус > прогрессив > настоящее время > не-прошедшее время (либо будущее время).

Согласно описанию Д. Нёрса, для маркирования местоименного объекта могут использоваться следующие морфологические модели: (а) предкорневые аффиксы; (б) различные морфологические элементы (суффиксы, частицы, клитики), тяготеющие к концу глагольной словоформы; (в) комбинация двух указанных моделей. Д. Нёрс показывает, что все эти модели, возможно, восходят к единому источнику. Кроме того, в случае, если в предложении имеется более одного дополнения, в каждой из трех представленных моделей реализуются различные способы соотнесения местоименных показателей с объектными аргументами. (Относительно объектных префиксов аналогичные – а в ряде случаев и более подробные –

обобщения, касающиеся их функционирования, изложены в работе [Аксёнова 2003], в разделе «Местоименные и согласовательные объектные показатели».)

Безусловно оригинальным в сравнении с книгой И.С. Аксёновой в книге Д. Нёрса следует признать прежде всего следующие два обширных и интересных раздела: шестой и седьмой. **Шестой раздел** рецензируемой работы посвящен реконструкции протобантуской глагольной системы. В этом разделе Д. Нёрс последовательно рассматривает все позиции бантуской глагольной словоформы, указывая, какие морфемы и какие грамматические значения ассоциированы с каждой морфологической позицией. Что касается **седьмого раздела**, то в нем описаны различные языковые процессы (процессы структурной перестройки, фонологические изменения, процессы морфологизации, складывающиеся в процессы грамматикализации), обусловившие переход от реконструируемого состояния к глагольным системам современных языков. Необходимо отметить, что Д. Нёрс в этих разделах обобщает огромный фактический материал, дает представление о сложности и разнообразии бантуских глагольных систем, выделяет во всем этом многообразии материальное и понятийное ядро, образовавшее глагольную систему про-

тобанту, а также выявляет основные тенденции исторического развития глагольных систем банту. Этот аспект исследования является, на наш взгляд, наиболее ценным в его книге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксёнова 1990 – *И.С. Аксёнова*. Глагол // И.С. Аксёнова, И.Н. Топорова. Введение в бантуистику (Имя. Глагол). М., 1990.
- Аксёнова 1997 – *И.С. Аксёнова*. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М., 1997.
- Аксёнова 2003 – *И.С. Аксёнова*. Глагол в языках банту // Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003.
- Аксёнова 2006 – *И.С. Аксёнова*. Способы выражения фокуса контраста на предикате в языках банту // Исследования по языкам Африки: Сб. статей, посвящ. 40-летию отдела африканских языков Инта языкознания РАН. М., 2006.
- Аксёнова 2008 – *И.С. Аксёнова*. Лексические источники глагольных показателей в языках банту // Основы африканского языкознания: Лексика и словообразование. М., 2008.
- Плунгян 2002 – *В.А. Плунгян*. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Плунгян 2003 – *В.А. Плунгян*. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003.
- Урманчиева 2003 – *А.Ю. Урманчиева*. Отрицательные формы глагола в языках Африки: морфология и семантика // Основы африканского языкознания: Глагол. М., 2003.

А.Ю. Урманчиева